

ЮЛИИ-КЛАВДИИ ГЛАЗАМИ РИМЛЯН И ВАРВАРОВ

В I веке н. э. самой известной личностью во всём греко-римском мире был римский император. В Западной и Центральной Европе, на Балканах, в Малой Азии и на Ближнем Востоке, пожалуй, не было такого уголка, в котором бы не слышали имени «Цезарь». Столь знаменитая и высокопоставленная особа конечно же не могла не вызывать интереса у современников. Мысли, чувства, эмоции и настроения людей той эпохи по отношению к первой династии римских императоров — династии Юлиев-Клавдьев являются предметом рассмотрения в данной работе.

Определённая сложность заключается в том, что античные авторы упоминают о чувствах и эмоциях современников лишь вскользь, не заостряя на этом внимания. Что касается варваров, то здесь первичные источники отсутствуют вообще: их высказывания и прочие свидетельства отношения к Юлиям-Клавдиям дошли до нас только в изложении римских авторов. Говоря об источниках, необходимо особо отметить труды еврейских писателей Иосифа Флавия и Филона Александрийского. Эти авторы интересны тем, что родились и выросли вдали от Римской столицы и, таким образом, могут донести до нас мысли и настроения жителей отдалённых провинций. Примечательно и то, что непосредственно в Риме эти люди были чужестранцами и их взгляд на Юлиев-Клавдиев был несколько иным, нежели самих римлян. Ниже мы остановимся на этом подробнее.

Главным содержанием рассматриваемой эпохи было утверждение единовластного правления в Риме и связанное с этим стремительное развитие императорского культа. Усилиями поэтов, скульпторов, живописцев, с помощью тонких и умелых пропагандистских приёмов в сознание жителей империи внедрялась идея о божественной сущности первого императора — Августа — и об его особой исторической миссии. Идея нашла отклик в душах и сердцах современников, и в этой связи многие исторические исследования посвящены ответу на вопрос: «как и почему это произошло?»

Но если посмотреть на явление с точки зрения массовой психологии, то ничего необычного здесь нет. Август является собой классический пример харизматического вождя, который описан в трудах по коллективной психологии С. Московичи, Г. Лебоном, Г. Тардом, В. М. Бехтеревым, Э. Фроммом. Практически во всех трудах по коллективной психологии отмечено, что, помимо заслуг того или иного вождя перед народом, помимо его личных качеств, огромное значение имеет желание народных масс превозносить и боготворить своего лидера, наделять его некими сверхъестественными качествами. Таким образом, можно сказать, что в стремительном росте императорского культа в Риме сыграли роль в равной степени две стороны: сам император и его народ. Римляне страстно желали видеть в своём императоре некую сверхъестественную силу и видели её.

Что же касается так называемого варварского населения, то здесь картина очень пёстрая и неоднородная. Если говорить о коренных жителях старых, «умиротворённых» провинций, которые, считались этническими варварами, то для них римский император служил гарантом мира и стабильности, а потому ему весьма охотно воздавались божеские почести. Можно предполагать, что провинциалы были вполне искренни в своём почитании Августа. В некоторой степени это подтверждается словами Филона Александрийского, который называет Августа первым всеобщим благодетелем, которого чтит весь мир (*Philo. De legat. 2.2*).

Ближе к западным границам империи картина меняется: отношения с Римом здесь складывались не всегда просто, и фигура императора воспринималась неоднозначно. Германские племена, как представляется, видели в Римской империи чужеродную силу, с которой они были вынуждены считаться. Римский император для них — субъект, с которым нужно строить отношения не во вред себе. Варварские вожди, которые считали полезным для своих народов не портить отношения с Римом, готовы были сказать добрые слова в адрес Августа, а где надо, и назвать его божественным. Пример тому — геруск Сегест или брат Арминия Флав. Однако истинного благоговения перед особой императора эти варвары, как представляется, не испытывали никогда. Так сын Сегеста Сегимунд, которому была оказана честь стать жрецом в храме Августа, как только представилась возможность, сорвал жреческие повязки и принял участие в антиримском мятеже (*Tac. Ann. I.57*).

Были и такие варвары, которые считали себя в состоянии помериться силой с римским императором, а потому позволяли себе нелестные, порой бранные высказывания в его адрес. Так, например, для Арминия Август — это наглый, зазнавшийся и далеко зашедший в своих претензиях субъект, которого раболепные римляне причислили к богам, но которому свободолюбивые германцы ни в коем случае не должны покоряться.

У Веллея Патеркула описан любопытный эпизод, относящийся к тому времени, когда Тиберий еще при Августе командовал легионами в Германии. В ходе боевых действий один из отступающих варваров вдруг повернулся к римлянам и попросил у них разрешения увидеть Цезаря. Получив возможность лицезреть столь блестательную личность и прикоснуться к его руке, потрясённый варвар произнёс, что он сейчас «видит богов, о которых ранее и не слышал» и что «за всю свою жизнь не желал и не имел более счастливого дня» (*Vell. II.107*). Анализируя этот эпизод, следует прежде всего помнить, что сочинения Веллея Патеркула — произведение панегирическое, поэтому нельзя быть уверенным в том, что слова варвара звучали именно таким образом. Однако сам эпизод вполне мог действительно иметь место. Фигура римского полководца, члена дома мирового монарха, не могла не вызывать интереса в варварском мире, и вполне естественно желание германца увидеть своими глазами столь знаменитого человека.

Но вернёмся снова в Рим. То искреннее благоговение, которое сограждане испытывали перед своим первым императором, распространялось также и на членов его семьи. Здесь берёт свои корни культ династии. Создавался он отчас-

ти целенаправленно (Август заранее заботился о том, чтобы обеспечить преемственность власти), отчасти стихийно, ибо члены императорского семейства становились народными любимцами и сограждане не скупились на излияние своих чувств. Однако за всем этим стояла одна серьезная проблема, развернувшаяся впоследствии в целую драму, последствия которой оказывались до самого конца правления Юлиев-Клавдииев.

Началось всё на семейном уровне, когда Август, имея doch Юлию от брака со Скрибонией, вступил в брак с Ливией, у которой был сын Тиберий от Клавдия Нерона. Спустя три месяца у Ливии родился второй сын, Друз, и считалось, что отцом его также был Клавдий Нерон. Однако было сильно заметно, что Август любит младшего сына Ливии значительно больше, чем старшего. Это и некоторые другие обстоятельства давали повод для слухов, что настоящим отцом Друза был Август.

Когда речь идёт о крупном наследстве, в семьях нередко возникают проблемы, особенно при наличии детей от разных браков. Не была застрахована от таких проблем и семья императора, тем более, что в качестве наследства выступала власть над империей. Вполне понятно, что Август, которому тоже ничто человеческое не было чуждо, отдавал предпочтение тем членам семьи, которые были ему родными по крови. Для нас особенно важно отметить, что симпатии и антипатии Августа горячо разделяли его сограждане. Народными любимцами становились те, к кому больше лежала душа императора: младший брат Тиберия Друз и его супруга Антония, сыновья Юлии Гай Цезарь и Луций Цезарь. Одно имя Юлиев, как представляется, оказывало на римлян магическое действие. Тиберию же отводилась второстепенная роль как в доме Августа, так и в сердцах сограждан.

Такое положение дел никак не могло его устраивать. И вот на род Юлиев обрушиваются одно несчастье за другим: ряд неожиданных смертей, несчастных случаев, скандалов. К концу правления Августа умерли все, в ком он мог видеть потенциальных преемников: первый муж Юлии Клавдий Марцелл, второй муж Юлии Агриника, сыновья Юлии Гай и Луций. Сама Юлия, её дочь Юлия Младшая и сын Агриника Постум оказались в ссылке. Хотя во всех случаях практически невозможно ничего доказать, но у сограждан, которые всей душой сочувствовали Юлиям, возникли большие подозрения, что за всем этим кто-то стоит. Кем был этот «кто-то», нетрудно догадаться, ведь императором стал в конце концов Тиберий.

Простить расправы с Юлиями римляне не смогли Тиберию никогда. Его возненавидели ещё до того, как он принял власть. Таким образом, в римском обществе сформировалась мощная отрицательная установка по отношению к Тиберию. Всё, что бы он ни делал, казалось плохо. В глазах римлян это был злодей, лицемер, и притворщик, который не любит даже собственного сына, потому, что он вообще не способен кого бы то ни было любить. Именно таким выглядит Тиберий у Тацита и Светония.

Когда скончался народный любимец, сын Друза Старшего, прославленный полководец Германик, его смерть была воспринята, как национальная трагедия, и никто не сомневался в том, что Германика погубил Тиберий, от которого

только этого и ожидали. Когда же 4 года спустя у самого Тиберия умер сын, это никого особенно не огорчило, как не огорчила и последующая смерть внуков Тиберия. Клавдии, как мы видим, не вызывали у римлян сочувствия вообще. Всю свою любовь они обратили на семейства Германика, которое считали жертвой коварного принцепса.

Обратим внимание на то, что у писателей-чужестранцев Тиберий выглядит несколько иначе. Примечательно, что Иосиф Флавий называет Тиберия сыном Августа от императрицы Юлии (*Ios. Ant. XVIII.2.2*) Сразу видно, как далёк иудейский историк от перипетий борьбы Юлиев и Клавдииев. Характеризуя Тиберия, как человека жестокого и раздражительного, Иосиф Флавий нигде не называет его лицемером, и принцепс выглядит у него не таким уж чёрствым и непроницаемым для родственных чувств. Мы можем найти у этого автора слова о том, как был привязан Тиберий к своим сыну и внуку, а также эпизоды, говорящие о глубоких душевых переживаниях принцепса. Можно даже заметить у Иосифа Флавия сочувственное отношение к Тиберию, которое отсутствует у Тацита и Светония.

Филон Александрийский, в отличие от Иосифа Флавия, не жил в Риме, и, следовательно, видел императора как бы с еще более дальнего расстояния. Тиберий представлен у него как сильный, справедливый и деятельный правитель, и ни одного плохого слова в его адрес мы не найдём вообще. Любопытно обратить внимание на следующую деталь: о Тиберию Гемелле, внуке Тиберия, Филон пишет, что ему «самой природой было положено стать преемником власти, ведь он был родным внуком Тиберию, а Гай — приёмным» (*Philo. De legat. 4*). Автор как будто бы не придаёт значения тому обстоятельству, что по отношению к Августу родным был как раз Гай (Калигула). Для римлян это обстоятельство, тем более на фоне событий, связанных со смертью Германика, отца Калигулы, и с гибеллю его братьев Нерона и Друза, имело очень большое значение. Римляне страстно желали видеть своим императором именно Гая Калигулу, родного правнука божественного Августа и последнего из оставшихся в живых сыновей Германика. Филон издалекой Александрии, как представляется, был далёк от всех этих событий, потому и не разделял чувства римлян.

Таким образом, мы видим, что чем дальше от столицы, тем слабее сказывается влияние общественных установок, которыми охвачены римляне.

О варварах за пределами империи можно сказать, что римский император их не особенно занимал как личность, но был интересен в той степени, в какой с ним можно было строить дипломатические отношения. Заметим, что варвары, которым приходилось вступать в контакт с императорской семьёй, как правило, быстро ориентировались в ситуации и стремились снискать расположение тех ее членов, которых считали для себя полезными. Так, Дион Кассий сообщает, что царь Каппадокии Архелай в свое время раболепствовал перед Тиберием, чтобы использовать его как заступника, но когда Тиберий удалился на Родос, Архелай стал заискивать перед Гаем Цезарем (*Dio Cass. LVII.17.3*).

Классический пример чужестранца-приспособленца является собой внук Ирода Великого и Мариамны по имени Агриппа, прибывший в Рим из Иудеи. Он вошел в такое доверие к Тиберию, что тот поручил ему своего внука, Тиберию Гемелла. Однако, прожив некоторое время в Риме, Агриппа уловил чувства и

настроения римлян и, оценив ситуацию, стал сближаться не с кем иным, как с Калигулой (*Ios. Ant. VIII.6.4*)

Пример Калигулы дает нам подтверждение выводов исследователей кол-лективной психологии о том, что в некоторых случаях для народных масс лич-ностные качества лидера отступают на второй план. Авторитет его основывается главным образом на вере в него и на эмоциях, которые испыты-вают сограждане. Из источников хорошо известно, что представлял из себя Ка-лигула как человек. Но из тех же источников мы знаем, что это был самый любимый и желанный правитель для римлян. Его болезни они переживали как личное горе, его выздоровлению радовались, как собственному спасению, его сумасбродию-жестоким выходкам находили оправдание.

Если анализировать чувства, эмоции и настроения римлян по отношению к императору и его семье, начиная с прихода к власти Августа, то мы увидим, что очень много обстоятельств способствовало тому, что народ был изначально расположен к Калигуле. Сограждане были словно ослеплены любовью. Здесь мы имеем дело с еще одной мощной психологической общественной установ-кой, или с так называемой «коллективной иллюзией».

Отдельные люди, конечно, могут быть свободными от такого рода коллектив-ных иллюзий. Как правило, ими бывают либо философы, либо чужестранцы. Фило-соф Сенека, например, пишет о Калигуле без малейшего восторга. Чужестранец Филон Александрийский откровенно насмехается над тем, как молодой римский император изображает из себя бога. После смерти Калигулы римляне взглянули на него уже другими глазами, и он вошел в историю как «дурной принцепс», однако тогда, в 41 г. н. э. большинство римлян жалело его и не хотело верить в его гибель.

Известно, что Калигула пользовался любовью не только римлян, но и под-чиненных народов. У Филона можно прочесть о том, что Александрийцы готовы были осыпать его всевозможными почестями и водрузили его изображение в каждой молельне. (*Philo. De legat. 20; 25; 27*) Когда же ожидалось прибытие Калигулы в Александрию «было ясно, — пишет Филон, — что из благоговения перед Гаем тут соберутся, покинув свои пределы, все лучшие, зеница ока каж-дого из городов» (*Philo. De legat. 27*). Велико было и желание иудеев видеть в Калигуле мудрого правителя. Делегация, отправившаяся к нему в 39 г. во главе с Филоном, надеялась увидеть «судью, который рассудит по справедливости», сам же Филон, будучи ученым и философом, писал впоследствии, что это был самообман (*Philo. De legat. 28*).

Как свидетельствуют источники, варвары, жившие за пределами Римской империи, были расположены к Калигуле больше, чем к его предшественнику. Вассальные царьки спешили заручиться его дружбой. Причина, как представля-ется, заключается в том, что варвары, поняв, в чем слабость молодого импе-ратора, уяснили далее для себя, что от него можно многого добиться с помощью лести и заискивания. И действительно: Антиох Коммагенский, фракийцы Котис и Реметалк, сын понтийского царя Полемон были обласканы Калигулой и щед-ро одарены. Меньше известно об отношении к Калигуле германских народов. Германцами были и его телохранители, и есть упоминание Иосифа Флавия о том, что когда эти телохранители узнали о гибели императора, то «страшно

опечалились, но только от того, что вспомнили о своей выгоде» (*Ios. Ant. XIX.1.15*) Это в некоторой степени подтверждает тезис о том, что для варваров римский император интересен не как личность, а как субъект, из отношений с которым нужно извлечь максимум выгоды для себя.

Вспомним, что Клавдий стал императором при активном содействии вышеупомянутого царя Иудеи Агриппы, который рассчитывал на то, что Клавдий тоже не останется перед ним в долгу. Того же Клавдия варварские вожди нередко использовали, прося у него помощи в междоусобных войнах. При нем варвары часто просили себе царей из Рима. Зная, как Клавдий любил демонстрировать свое великолепие, варвары, попавшие в плен или в затруднительное положение, взывали именно к этому его чувству. В качестве примера можно назвать Митридата VIII Боспорского, правителя аорсов Эвнона, британского вождя Караката. Каракат, как передает Тацит, обратился к Клавдию со словами: «...Если ты оставишь мне жизнь, я навеки стану примером твоего милосердия» (*Tac. Ann. XII.37*). Примечательно, что когда Каракат и его близкие получили прощение, они сочли нужным обратиться со словами хвалы и благодарности не только к Клавдию, но и к его супруге Агриппине. Через Агриппину же иногда действовал Агриппа II, сын вышеупомянутого Агриппы. Как мы видим, варвары хорошо ориентировались в ситуации внутри императорского дома.

Источники содержат довольно мало информации об отношении варваров к императору Клавдию. Это обстоятельство позволяет предположить, что для варварского мира Клавдий был менее интересной фигурой по сравнению с предшественниками.

Если говорить о римлянах, то до прихода Клавдия к власти его главной «заслугой» в их глазах было то, что это был брат Германика. Его так и приветствовали: «Да здравствует брат Германика!» (*Suet. Claud. 7*). Пожалуй, именно это обстоятельство главным образом определяло расположение сограждан к новому императору. И хотя народная любовь к нему была не столь пылкой, как в свое время к Августу, Германику или Калигуле, Клавдий все же пользовался достаточной популярностью. По сравнению с двумя жестокими предшественниками новый принцип казался римлянам очень даже неплохим: заботливый, щедрый, доступный народу. Слабохарактерность его нередко бывала предметом насмешек, вместе с тем народ снисходительно относился к слабостям императора. Известно, в каком подчинении Клавдий находился у своих жен. Последняя его жена, она же племянница, Агриппина прилагала все силы к тому, чтобы обеспечить власть своему сыну Домицию (он же Нерон). Но в отличие от своей прабабки Ливии, которая строила козни так осторожно, что заподозрить что-либо было практически невозможно, Агриппина действовала открыто, не боясь народного гнева, ведь она была правнучкой божественного Августа и дочерью Германика. Это обстоятельство, как представляется, помогало Агриппине манипулировать чувствами и настроениями сограждан: ей удалось в полной мере расположить народ к Домицию. По слухам, Агриппина отравила Клавдия, вследствие чего императором стал ее сын. Вспомним, что очень сходным образом получил власть Тиберий, и за это его всю жизнь преследовала народная ненависть. В случае с Нероном все оказалось по-другому. Отголоски драмы первых Юлиев-Клавдиев продолжали сказываться и 40 лет спустя.

На Нерона римляне возлагали большие надежды, которых он, как известно не оправдал. Печальный конец этого императора известен. Для нас же важно проанализировать, как в массовом сознании современников народный любимец превратился в чудовище.

Как известно, в любом процессе есть некая критическая точка. Императорский культ в Римской империи был призван играть роль идеи, сплачивающей общество. Внедрение этой идеи в массовое сознание играет до определенной степени положительную роль: ведь чем сплоченнее общество, чем более оно предано своему властителю, тем сильнее государство. Но массовое сознание — столь сложная и непредсказуемая субстанция, что с ней нужно обращаться очень осторожно. Правитель должен быть еще и хорошим психологом, каковым Нерон не являлся. В своей безудержной погоне за преданной любовью и при своей необузданной жестокости он совершил много того, что, как выразился Тацит, «превосходит всякую меру». Можно сказать, что здесь император перешел ту самую критическую точку, после которой в массовом сознании сограждан начался обратный процесс: любовь начала переходить в ненависть. Долгое время Нерона спасали имя Августа и память о Германнике, но когда даже это перестало иметь действие, надеяться ему больше было не на что.

Если для Римской империи Нерон — это, несомненно, яркая личность, оставившая глубокий след в истории, то на международной арене того времени он ничем особенно не прославился. Расширять державу, как пишет Светоний, у него не было ни охоты, ни желания, не было и активных контактов с варварским миром. Видимо по этому в источниках практически отсутствует информация о том, какие чувства и эмоции вызвал этот человек за пределами своей империи. Можно предполагать, что о нем были наслышаны, как о матереубийце и актере на троне, и это могло вызывать интерес, однако это был уже не тот блистательный Цезарь, каким виделись варварам и Август, и Тиберий.

A. B. Махлаюк

ПРОЦЕСС «ВАРВАРИЗАЦИИ» РИМСКОЙ АРМИИ В ОЦЕНКЕ АНТИЧНЫХ АВТОРОВ

В созданной Римом державе взаимодействие с миром «варваров» было для римских властей не только геополитической пограничной проблемой, но и актуальным вопросом военного строительства и внутренней социальной политики. Это взаимодействие в немалой степени обусловливало эволюцию римской военной организации, вооружения и тактики, политику рекрутования, духовно-культурный облик солдат императорской армии, а также процессы интеграции в структуры Империи различных слоев провинциального населения. Не меньшую значимость имели контакты в военной области и для развития самой варварской периферии, как внутренней, так и внешней.